

АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ: КОНЦЕПЦИЯ АРИСТОКРАТИИ

Статья посвящена анализу концепции аристократии, разработанной Алексисом де Токвилем в контексте исследования им исторической обусловленности Великой французской революции. Дан анализ представлений ученого о содержании и соотношении интересов дворянства и буржуазии во Франции эпохи Старого порядка. Особое внимание уделено сравнительной характеристике концепции аристократии Алексиса де Токвиля и теории элиты, отстаиваемой Ф. Фюре – лидером того направления современной западной историографии, которое претендует на масштабную реинтерпретацию французской революционной истории.

Ключевые слова: Алексис де Токвиль; старый порядок во Франции; Великая французская революция.

В историографии Великой французской революции длительной традицией являлось изучение ее событий в социально-экономическом аспекте, определение ее как антифеодальной и буржуазной, сущностным содержанием которой была борьба нового общественного класса, буржуазии, против дворянства. Истоки этой историографической традиции восходят, в том числе, и к произведениям Алексиса де Токвиля, который уделял этой стороне революционного процесса большое внимание, более того, формировал основу его трактовки как явления главным образом социального.

В этой связи заслуживает внимания выстроенная им концепция аристократии, занимающая важное место в трактовке ученым общего содержания революционных трансформаций во Франции конца XVIII в. Эта сторона его идей остается мало изученной. Необходимость такого изучения возрастает в связи с тем, что она стала объектом острой критики со стороны историков третьего поколения школы «Анналов», в частности, одного из ее лидеров – Ф. Фюре [1].

Раскрывая содержание этой концепции, отметим, что понятие «аристократия» в ней в целом совпадает с понятием «дворянство», однако не исчерпывается им. Под аристократией Токвиль понимал совокупность «всех значительных членов нации», которую составляет как дворянство, так и люди недворянского происхождения, поднявшиеся до ранга элиты своим богатством или высокой образованностью [2. С. 97–98; 3. С. 18].

Эти ценности сообщают тем немногим, кому они принадлежат, «особые вкусы и исключительные идеи», формируют «аристократический элемент, который, будучи разьединен или сконцентрирован в одних и тех же руках, существует у всех народов и в каждую эпоху истории. Когда все те, кто обладает этими исключительными преимуществами, сообща работают в управлении – это и есть аристократия, сильная и устойчивая» [3. С. 18].

Лидерствующим началом этого богатого и просвещенного сообщества Токвиль считал дворянство. Причину его силы и влияния в рамках аристократической элиты он усматривал в древности происхождения [2. С. 99]. Однако главной основой власти и влияния дворянства в аристократической элите Токвиль считал крупную земельную собственность – самый надежный и устойчивый источник богатства в феодальном обществе. Еще в книге об американской демократии историк писал: «Аристократия возникает и существует не только благодаря привилегиям или принадлежности к определенному роду, но и потому, что обладает земельной собственностью, передаваемой по наследству.

Именно поэтому аристократия держится за землю, зависит от нее и на нее опирается. В одной и той же нации могут быть обладатели огромных состояний и люди, живущие в крайней нищете, но если эти состояния не представляют собой земельных владений, то можно сказать, что в этом обществе есть и бедные, и богатые, но настоящей аристократии, в сущности, нет» [4. С. 45]. Эта богатая и просвещенная элита противопоставлена небогатой и необразованной массе: аристократия «работает только на самое себя и пренебрегает народными массами» [4. С. 183].

Понятие «аристократия» ученый связывал с типом общества, противоположным демократии, которое в отличие от нее было основано на принципах сословного неравенства и привилегий. Вместе с тем понятие «аристократия» он ассоциировал с формой участия элиты во власти. Характерной особенностью аристократии в этом смысле ученый считал то, что она является «совокупностью правящих граждан» [2. С. 99].

Токвиль указывал на то, что в средневековой Франции подобный социальный и политический союз всех слоев богатой и образованной элиты общества – аристократии – реально существовал и функционировал: «В Средние века и во все времена, пока продолжалось господство феодализма, все лица, державшие землю от помещика и на феодальном языке называвшиеся собственно вассалами (а многие из них не были дворянами), постоянно призывались к содействию сеньору в управлении поместьями; помогали ему в судебной и административной деятельности [2. С. 101]. Мелкие сельские собственники недворянского происхождения в своей значительной части «ежедневно сближались и смешивались с дворянством в ведении одних и тех же дел» [2. С. 102].

Ученый утверждал, что сближала и сплачивала аристократические элементы общества их совместная деятельность в генеральных и особенно провинциальных штатах страны, активно функционировавших в период классического Средневековья [2. С. 102].

Союз дворянства и имущих недворянских слоев общества в рамках аристократии Токвиль считал исключительно нужным и полезным для нее самой, а косвенно и для общества в целом. В нем он усматривал залог успешной защиты их собственности и власти, общего дела аристократии; подчеркивал, что «в эпоху господства аристократии независимость частных лиц обеспечивалась тем, что монарх не один руководил и управлял своими подданными, он вынужден был делиться своей властью с аристократией» [4. С. 499].

Предпосылки для единения классов-союзников Токвиль находил и в социальной ситуации Старого по-

рядка. Ученый усматривал их в том, что в XVIII в. динамика движения собственности – оскудение дворянства и обогащение буржуазии – в определенной степени сгладила имущественные различия между ними. Буржуа «богател беспрестанно, во многих случаях делаясь так же состоятелен, как и дворянин, а иногда и богаче» [2. С. 97]. Сходными стали источники доходов дворянства и буржуазии за счет того, что буржуазия стремилась вложить капитал в сферу аграрной деятельности. «Мало того, – замечал ученый, выражая эту мысль, – богатство буржуа часто и качественно не отличалось от дворянского: живя обыкновенно в городе, буржуа, однако же, нередко владел сельскими угодьями, а иногда приобретал даже дворянские поместья» [2. С. 97]. Сближались формы повседневной жизни, воспитание, образование, привычки, склонности, удовольствия; одинаковым был даже круг их чтения [2. С. 98].

Однако, констатировал ученый, во Франции этот союз имущих классов не стал длительным и прочным. С конца XV в. вплоть до начала Великой французской революции, как определял он сам эти временные рамки, в социально-экономическом развитии страны возобладала процесс, связанные с ослаблением и упадком феодальной общественной системы, нашедшие свое выражение, в том числе, и в ослаблении экономических позиций дворянства [2. С. 105].

В стремлении стабилизировать свою социальную ситуацию оно пожертвовало союзом с буржуазией и в подавляющем большинстве стало искать решение своих проблем не в масштабной и глубокой модернизации хозяйственной деятельности (как это сделала значительная часть английского дворянства), а в попытках сохранить старые общественные формы и старые феодальные источники доходов. В этом, по мнению исследователя, и состояла одна из главных причин социального конфликта в рамках французской элиты, между дворянством и буржуазией в последние десятилетия Старого порядка и, в конечном счете, одна из значимых причин революции.

Эту мысль Токвиля верно прокомментировал современный российский исследователь А.Н. Медушевский [5]. Важным вкладом ученого в развитие социологической теории революции он справедливо считает его тезис о том, что революции «возникают в периоды быстрого развития, при котором традиционные привилегированные группы испытывают дискомфорт или даже относительный упадок, становясь деструктивным фактором. Традиционные структуры сопротивляются изменениям, видя в них угрозу своему существованию, которая на самом деле коренится в их отказе от проведения назревших социальных реформ» [5. С. 123–124].

Развивая мысль о роли деструктивных позиций дворянства в деле решения социальных проблем, назревших во французском обществе конца XVIII в., Токвиль показал, что, опираясь на поддержку королевской власти, оно вплоть до начала революции боролось за сохранение и увеличение своих привилегий, налоговых иммунитетов, исключительного положения в обществе [2. С. 103–105, 304]. Эти действия дворянства привели к тому, что в XVIII в. привилегированные сословия окончательно превратились в узкую изолированную корпорацию, интересы которой существенно

разошлись с интересами непривилегированного третьего сословия, буржуазии. Дворянство «все более утрачивало характер аристократии и приобретало характер касты», – неоднократно с горечью повторял ученый [2. С. 99, 224]. Он подчеркивал, что определенная схожесть двух имущих классов не снимала глубоких противоречий, порожденных различием их прав, обязанностей и интересов [2. С. 95, 98]. Эта схожесть, утверждал исследователь, являлась лишь одной стороной их отношений. Содержанием другой было то, что «те же французы при всем своем сходстве были разобщены между собою глубже, может быть, чем где-либо, и даже чем во Франции прежних времен» [2. С. 98].

Ученый определял буржуазные социальные слои как достаточно консолидированную общность со свойственными ей ментальными установками и устремлениями, в значительной части позиций отличную от классов феодального общества. Отчетливо выражая эту мысль, он писал, что буржуа эпохи Старого порядка «уже образуют класс, проникнутый особым духом, имеющий свои предания, свои добродетели, свою особую честь и гордость. Это – аристократия нового общества, уже сложившаяся и живая. Она ждет только, чтобы Революция очистила для нее место» [2. С. 80].

Напряжение, вызванное ростом дворянской исключительности, усиливалось тем, что оба имущих класса Старого порядка стремительно теряли свои политические права – их поглощал абсолютизм. Перестало функционировать местное самоуправление, его остатки сохранились лишь в руках крупных сеньориальных собственников. С прекращением деятельности Генеральных штатов имущие классы Старого порядка потеряли свое представительство в центральном государственном аппарате. Это еще больше отдалило их друг от друга. «В XVIII в. этот переворот является законченным: дворянин и горожанин встречаются уже только случайно в частной жизни. Дворянство и буржуазия как классы – не только соперники, но и враги», – констатировал историк [2. С. 103]. Токвиль утверждал, что в этой ситуации имущие классы третьего сословия, составлявшие по своей природе естественную часть аристократии, «оказались отделены от основного корпуса» элиты [3. С. 19]. В итоге между различными элементами французской элиты сложилась ситуация своеобразной «гражданской войны, из которой извлекла выгоду лишь демократия» [3. С. 20]. Отвергнутые дворянством имущие слои третьего сословия, восстав против него, «вынуждены были проповедовать общую идею равенства для того, чтобы бороться против частной идеи неравенства, которая им противостояла», – завершал ученый свою характеристику французской аристократии последних десятилетий XVIII в. [3. С. 20].

Взятые вместе эти наблюдения приводили исследователя к выводу, что во Франции кануна революции в полной неприкосновенности сохранилось дворянство с его феодальными правами и привилегиями, но уже не существовало аристократии [3. С. 18]. Вместо нее в государственном аппарате функционировало чиновничество, полностью подвластное королю. Французы «признали идеальным такой общественный строй, при котором нет другой аристократии, кроме чиновничества» [3. С. 187]. Негативному французскому опыту соз-

дания блока классов-союзников буржуазии и дворянства Токвиль противопоставлял успешный английский политический опыт, являвшийся для него идеальным образ взаимосвязи имущих классов переходного времени от феодальной к буржуазной общественной системе.

Выражая восхищение способностью английской аристократии спланировать вокруг себя своих союзников, он отмечал: «Шедевром английской аристократии было то, что она заставила демократические классы общества полагать, будто их общим врагом являлся король, и посредством этого стать их представителем, а не оставаться их главным противником» [3. С. 36].

Во Франции эта благоприятная для всех имущих классов политическая возможность не была реализована. Французское общество утратило ее в эпоху Старого порядка, которую в этом отношении Токвиль считал своеобразной точкой бифуркации. В ней французское дворянство не смогло сделать правильный исторический выбор. Движимое узкосословным своекорыстием, оно не озаботилось своевременным обеспечением тесного и заинтересованного союза с другим имущим классом, буржуазией; избрало недалекую и бесперспективную политику конфронтации с ним. Отказавшись от союза с буржуазией, дворянство найдет в этом классе «соперников, вскоре затем – врагов, и, наконец, – господ» [2. С. 154].

Концепция аристократии, сформулированная ученым, в конце 70-х гг. подверглась острой критике со стороны историков «ревизионистского направления» и их лидера Ф. Фюре. Смысл этой критики заключается в том, что идее расхождения позиций дворянства и буржуазии эпохи Старого порядка, их враждебности и борьбы, выраженной Токвилем в анализе исторических предпосылок Великой революции, Фюре противопоставил концепцию дворянско-буржуазного консенсуса на почве имущей элиты, сформированной культурой XVIII в. и воодушевленной единым для нее патриотическим порывом служения государству. Разворачивая свою критику, Фюре писал: «Токвиль упрекает французское дворянство за то, что оно превратилось в наследственную “касту” и перестало быть аристократией, то есть ограниченной по составу корпорацией, которая относительно открыта для тех, кто обладает политической властью. Однако французское дворянство никогда не было такой придуманной Токвилем аристократией» [1. С. 161–162].

В своем противостоянии Токвилю Фюре пытался развернуть такое истолкование его идей, которое, на наш взгляд, не является достаточно обоснованным. В частности, нельзя согласиться с мнением, будто Токвиль считал дворянство полностью отстраненным от власти, а буржуазию, напротив, наделенной ею. В трактовке автором «Старого порядка и революции» соотношения политических возможностей этих двух классов акценты расставлены иначе. Излагая свою концепцию аристократии, Токвиль приводил систему аргументов, позволявших ему утверждать, что оба имущих класса в XVIII в. были отстранены от прямого властвования ввиду ни с кем не разделенного суверенитета монарха. Они могли осуществлять его элементы лишь косвенно, используя свое влияние при дворе, личные заслуги и связи, в чем дворянство, как он показал, име-

ло большие возможности в сравнении с буржуазией. Токвиль говорил об отсутствии аристократии во Франции эпохи Старого порядка именно в том смысле, что элита общества не имела своего легитимного представительства во власти, не могла впрямую ее осуществлять.

Фюре не принял того утверждения Токвиля, что главной причиной вражды между дворянством и буржуазией в обществе Старого порядка явилось расхождение их экономических интересов; трактовку им этого расхождения как факта, вызванного сохранением феодальных прав сеньоров, многочисленных привилегий и налоговых изъятий, которых была лишена буржуазия, третье сословие в целом. Возражая Токвилю, Фюре писал: «С моей точки зрения, главным ключом к пониманию социально-политического кризиса XVIII в. является не гипотетическая замкнутость дворянского сословия и не его враждебность к буржуазии во имя какого-то воображаемого “феодализма”. Наоборот, все дело в его открытости, чрезмерно опасной для сплочения всего сословия и недостаточной для процветания нации» [1. С. 116].

Подвергая острым нападкам концепцию аристократии, созданную Токвилем, Фюре, однако, не исследует тех аргументов, на которые она опирается. Так, обосновывая свой тезис о том, что аноблирование не снимало сословных противоречий, Токвиль утверждал: аноблированные составляли лишь часть третьего сословия, которая, получив дворянские привилегии, тем самым приобретала иной, нежели ротюрье, правовой статус и становилось отличной от них [2. С. 106–107]. Масса торгово-промышленного имущего (в разной степени зажиточности) населения по-прежнему оставалась вне этих привилегий, продолжала испытывать ущемленность своих гражданских и имущественных прав. В подтверждение этого факта он приводил множество документальных доказательств, которые не нашли внимания со стороны Фюре и не были им прокомментированы.

Автор «Старого порядка и революции» правомерно указывал на то, что возможность купить выгодную должность далеко не решала главных проблем третьего сословия. Даже аноблированные, не говоря о той части представителей третьего сословия, которые остались вне этого привилегированного статуса, не получили ни суверенной политической власти, ни сколько-нибудь широкого представительства в ней, ни даже надежных гарантий приобретенных таким образом прав. Купленные за большие деньги аноблирующие должности многократно отнимались у их владельцев ввиду возрастающих фискальных интересов короны [2. С. 119]. Этим фактам Токвиль дал документальное подтверждение, которое Фюре оставил без внимания, как и многие другие доводы опровергаемой им концепции; не противопоставил им необходимых контраргументов, что заставляет сомневаться в правомерности его итоговых выводов.

Заметим, что в связи с критикой концепции аристократии из уст Фюре прозвучали такие негативные оценки Токвиля, каких до него он не получал ни от одного из своих комментаторов. Фюре утверждает, в частности, что историческая культура Токвиля «за пределами XVIII в. остается весьма поверхностной, взгляд

на историю французского дворянства (и аристократии) весьма банален и, вместе с тем, преисполнен мифологизма» [1. С. 162].

Характеристики «поверхностный», «банальный» настолько не соответствуют содержанию оригинального исследования Токвиля, возможностям его глубокого проницательного ума, что приложение их даже к частным сторонам его исторических воззрений не представляется в достаточной степени обоснованным. Назвать разработанную им концепцию аристократии «поверхностной» и «мифологической» означает полностью зачеркнуть ту громадную ретроспективу и ту не менее емкую перспективу, в рамках которой ученый исследовал соотношение интересов дворянства и буржуазии эпохи Старого порядка.

Допущенные искажения не позволили Фюре увидеть той динамики в трансформации этого соотношения, которую ученый действительно выявил; оценить плодотворные и новаторские попытки типологизации исследуемого явления, заложенные ученым в сравнительном анализе политических устремлений, политической воли английского и французского дворянства, построенные на глубоком знании особенностей их исторического развития.

Наконец, нельзя согласиться с тем, что в этой части своей критики Токвиля Фюре полностью абстрагировался от того значимого в данной ситуации факта, что Токвиль знал то дворянство и ту аристократию, о которой писал, не понаслышке, а изнутри, сам являлся ее частью. Имея в виду французскую аристократию, он писал в 1837 г.: «Я был достаточно близок к ней, для того, чтобы хорошо ее знать, и достаточно далек от нее, чтобы судить о ней беспристрастно» [6. С. 71]. Уместно вспомнить известного французского социолога и философа прошлого столетия Р. Арона, который считал, что выявленный Токвилем факт «неспособности привилегированных групп французской нации достичь согласия по вопросу о способе управления страной» является характернейшим

феноменом французской истории и объясняет начало не только Великой французской революции, но всех французских революций [7. С. 224].

Идеи Фюре, связанные с отрицанием противостояния дворянства и буржуазии накануне революции, разделили Д. Рише [8], Г. Шоссинан-Ногаре [9], Ж.П. Хирш [10], А.В. Чудинов [11], которые считают это противостояние лишь одним из революционных мифов. Возможно, сторонникам этой точки зрения необходимо еще раз обратиться к анализу доводов, свидетельствующих в пользу этой борьбы, чтобы либо доказательно опровергнуть их, либо скорректировать свои концепции. Пример такой корректировки известен. Его дает эволюция взглядов одного из единомышленников Ф. Фюре – Г. Шоссинана-Ногаре, который, по справедливому замечанию С.Ф. Блуменау, в середине 80-х гг. изменил свои прежние представления об элите. В новых его работах акцентирован уже не консенсус дворянства и буржуазии на почве идей Просвещения, но их разделенность несправедливостью дворянских привилегий [12].

Таким образом, в структуре городского населения эпохи Старого порядка Токвиль увидел особый социальный слой, чьи доходы, формы экономической деятельности, политические интересы были связаны с новыми социальными, экономическими явлениями в развитии страны, – буржуазией. Отношение этого класса к дворянству, при всей их схожести, он трактовал как конфронтационное. Главной причиной этой враждебности ученый считал привилегии дворянского сословия и ущемленность гражданских и имущественных прав буржуазии. Его концепция аристократии существенно расходится с теорией «элиты», отстаиваемой Ф. Фюре и его сторонниками. Она воссоздает предреволюционную историю Франции как явление сложное и неоднозначное в отличие от упрощенных современных концепций, связанных с попыткой масштабной реинтерпретации этой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фюре Ф. Постигание французской революции. СПб., 1998.
2. Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1896.
3. Tocqueville A. de. Oeuvres complètes. P., 1876. T VIII.
4. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 2000.
5. Медушевский А.Н. Алексис де Токвиль. Социология государства и права // Социологические исследования. 2005. № 10.
6. Tocqueville A. de. Oeuvres complètes. P. 1866. T. VI.
7. Aron R. Les étapes de la pensée sociologique. P., 1967.
8. Richet D. Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: Élitisme et despotisme // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1969. № 1.
9. Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle. De la Féodalité aux Lumières. P., 1976.
10. Hirsch J.P. Les milieux du commerce, l'esprit de système et le pouvoir à la veille de la Révolution // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1975. № 6.
11. Чудинов А.В. Французская революция. История и мифы. М., 2007.
12. Блуменау С.Ф. В поисках новых подходов: 200-летие революции и французская историография // Французский ежегодник. 2000. М., 2000.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 июля 2010 г.